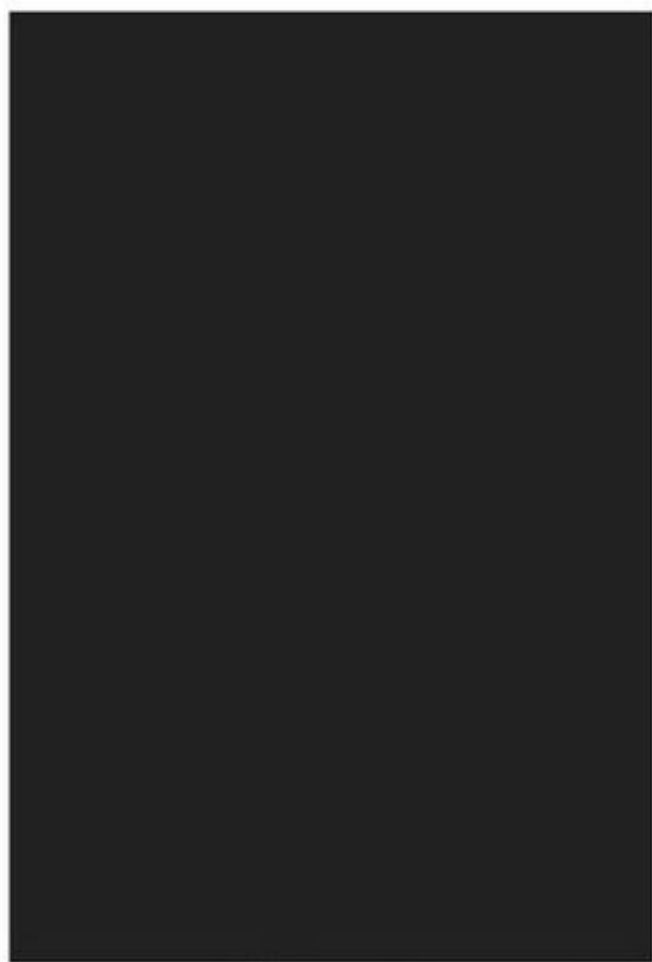

18+

ЕВГЕНИЙ ВОРОБЬЕВ

АМАТЕТЕЛ

Евгений Воробьев

АМАТЕТЕЛ

«Издательские решения»

Воробьев Е.

АМАТТЕЛ / Е. Воробьев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-508491-0

«...Знай: человеку, сразившему змея, Лучше забыть, что такое
беспечность: Подстерегает змея, настигает; Скорбь ядовитая в сердце
змеином...» Харша Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-508491-0

© Воробьев Е.
© Издательские решения

Содержание

АМАТЕТЕЛ	6
Конец ознакомительного фрагмента.	15

АМАТЕТЕЛ

Евгений Воробьев

© Евгений Воробьев, 2020

ISBN 978-5-0050-8491-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АМАТЕТЕЛ

*«...Знай: человеку, сразившему змея,
Лучше забыть, что такое беспечность:
Подстерегает змея, наступает;
Скорбь ядовитая в сердце змеином...»*

Харша

Был майский вечер. Сирень уже расцвела, и над Городом парил её аромат. По Площади прогуливались влюблённые парочки, старички со старушками сидели на стульчиках у парадных и наблюдали за ними, утирая слёзы умиления.

Под большими круглыми часами, венчавшими высокий бронзовый столб, нервничал молодой человек в студенческом мундире. Петлицы мундира определяли учебное заведение высшего разряда, что наводило на мысль – родители вкладывают солидный капитал в его образование. Молодой человек периодически доставал из потайного кармашка золотые часы и сравнивал показания их циферблата с показаниями больших часов. Прикладывал к уху, подкручивал головку завода. Делал пять шагов вперёд, вздыхал, разворачивался и делал пять шагов в обратном направлении. Большие часы пробили семь раз. Маленькие проиграли незатейливую мелодию. Молодой человек воскликнул:

– Ну, где Она, чёрт возьми!?

Она бежала по Бульвару. Бежала, как могла, семена ажурными ножками. В голове её проносилась одна мысль: «Только бы не ушёл! Только бы дождался!...»

Показались часы на бронзовом столбе, но рядом никого не было. Девушка остановилась, едва отдышавшись, осмотрелась и...

– Ну, наконец-то! – послышался голос из бакалейной лавки, разместившейся в доме неподалёку от часов. В дверях стоял молодой человек и нервно жевал бублик.

Облегчённо вздохнув, Она направилась к нему.

– А Вы – непунктуальны, – улыбаясь, сказал молодой человек и откусил от бублика.

– Я – дама, – смутившись, ответила девушка.

Молодой человек доел бублик, вытер пальцы платком и протянул руку девушке со словами:

– Ну, здравствуйте, прекрасная незнакомка.

– А Вы – плохо воспитаны? – удивилась она, подавая свою.

– Не понял, – удивился молодой человек.

– Первым руку протянули, – пояснила девушка.

– Да бросьте, – засмеялся он. – Оставьте этикет, будьте проще. Давайте, наконец, познакомимся. Меня зовут Андрей Крысогенов.

– Мария Дэви, – смущаясь, представилась девушка.

– Ну вот. Так-то лучше. А то о встрече условились, а как зовут, не узнали.

– Да...

– Куда пойдём? Может в ресторан? – предложил Крысогенов.

– А может в Синематограф? – спросила Мария.

– Любите фильмы?

– Обожаю.

– Хорошо, пойдём в Синематограф, но сперва в ресторан, Вы не против?

– Нет, что вы. К тому же, я – голодна.

– Отлично, идём! – Крысогонов взял Марию под руку, и они направились вниз по Бульвару к ресторану.

В то время как Крысогонов нервно сновал под часами из стороны в сторону, за ним наблюдал из витрины бакалейной лавки мужчина лет сорока, с лицом настолько бледным, что его можно было принять за мертвеца. На правом виске мужчины был глубокий шрам в форме кольца, а на левой щеке – четыре толстых рубца, которые очень походили на жирных дождевых червей. Владельцем этих примет был хозяин бакалейной лавки Золотарёв. Наблюдая за молодым человеком, он думал: «Не придёт». Когда пробили часы, Золотарёв вышел из лавки и направился к Крысогонову.

– Ну, что Вы здесь мечетесь, молодой человек? – спросил он, подойдя.

– Да вот, назначил свидание одной особе, вчера мелочь в трамвае обронил, она решила помочь, лбами столкнулись, – разоткровенничался Крысогонов.

– Ясно, а я всё смотрю на Вас, смотрю, вспоминаю себя в Ваши годы...

– Вы – хозяин лавки?

– Да.

– Не продадите чего-нибудь пожевать?

– С превеликим удовольствием, прошу за мной.

Они вошли в лавку, и Золотарёв, встав за прилавком, предложил Крысогонову свежих бубликов, тот выбрал самый большой и, расплатившись, стал уплетать его, разглядывая товар на полках.

– А что в той банке? – спросил он, указывая на огромную малахитового цвета жестянку.

– Чай любви. Достаточно одной щепотки, и та, которой Вы предложите чашку этого чаю, полюбит Вас, и сделает всё, что только пожелаете, – подмигнул Золотарёв.

– Почём? – загорелся Крысогонов.

– Сушая безделица, рубль за четверть фунта.

– Дорого, – возмутился молодой человек, но в глазах его Золотарёв прочёл желание приобрести сей сыпучий эликсир.

– Ну что Вы, за такой товар, цена – оптимальная, – ухмыльнулся продавец и вопросительно поднял брови.

– Хорошо, беру, – сдался Крысогонов и открыл кошель. Вдруг из нагрудного кармана лавочника раздалась громкая комариная трель.

– Извините, телефон, – Золотарёв вынул из кармана жилетки «мобильник» и спросил. – Ну, где же ты, именинник? – внимательно вслушиваясь в то, что ему говорили в трубку, отсыпал в кулёчек чаю и передал его Крысогонову.

– Благодарю, – ответил он, расплатился и вышел из лавки.

В ресторане было накурено. Завеса табачного дыма скрывала лица посетителей. Оркестр играл в стиле «свободный чёс». Мальчик сидел за столиком в самом углу, у клозета. Сегодня ему стукнуло девятнадцать. Перед ним на столе стоял бокал вина, лежали букет чёрных роз и открытый алюминиевый портсигар, в котором была только одна папироса. Мальчик разглядывал посетителей, насколько позволял смог. Мимо пробежал официант с подносом, на котором возвышалась гора грязной посуды. Мальчик проводил его оценивающим взглядом до дверей кухни. Оркестр закончил играть. Музыканты спустились в зал и сели за свободный столик.

Контрабасист щёлкнул пальцами, и рядом с ним появился официант с опухшим лицом. Контрабасист что-то прошептал ему, официант оскалился и, кивнув, скрылся в дыму.

Мальчик вынул папиросу, закрыл портсигар и прикурил от свечи на столике. Затянувшись, он закрыл глаза и выпустил дым кольцами. Сидевший за соседним столиком толстый купчина повёл носом и оглянулся на Мальчика. Но тот продолжал сидеть с закрытыми глазами и, медленно затягиваясь, так же медленно выпускал дым кольцами. Купчина тихо сказал своей переполненной даме, показывая глазами на Мальчика: «Обнаглели эти молокососы, уже в ресторациях свою „дурь“ открыто смолят. Эх, куда смотрит Голова...» Дама понимающе закивала головой и, тяпнув рюмку водки, зажевала её квашеной капустой. Мальчик слышал купеческие слова, но только презрительно посмотрел на него и сделал глоток вина.

В ресторан вошли новые посетители. Это была молодая пара – Крысогенов и Мария. Они поискали глазами свободный столик, но все оказались заняты, и тогда они направились к столику Мальчика, так как он сидел один, а мест за столиком было четыре.

– Можно к Вам присоединиться? – спросил Крысогенов, отодвигая стул.

– Прааашууу, – растягивая гласные, сказал Мальчик и пригласил рукой садиться.

Крысогенов помог Марии сесть, сел сам и попытался позвать официанта, но тот, покачивая головой, дал понять, что он занят и направился к противоположному столику. Крысогенов чертыхнулся и повернулся к Мальчику с вопросом:

– Давно сидите?

– Час.

– Свидание? – поинтересовался Крысогенов, кивая головой на розы.

– Да.

– А почему чёрные?

– Вам-то что? – недовольно проговорил Мальчик, закрыл глаза, затягиваясь в последний раз, и бросил окурочек в бокал.

– Пардон, – извинился Крысогенов и вновь попытался позвать официанта.

– Наконец, к их столику подошёл официант с опухшим лицом и протянул Марии меню.

Она пробежала глазами по строчкам и сказала, обращаясь к Крысогенову:

– Мне салат из солёных огурцов и молочный коктейль, без сока.

– Однако, – хмыкнув, записал в блокнотик официант.

– А мне графин водки и телячью отбивную, – заказал Крысогенов и отпустил официанта. – Вы меня удивляете, – обратился он к Марии.

– Диета.

– Кишечная?

– Ваш юмор неуместен, – оскорбилась Мария.

– Извините, – склонил голову Крысогенов и встал. – Пойду музыку закажу. Где музыканты? – спросил он Мальчика, тот указал рукой на столик у окна, за которым, уже изрядно захмелевшие оркестранты тискали двух проституток.

Крысогенов, наклонившись к крайнему, сказал на ухо название мелодии. Музыкант кивнул и, взяв купюру, встал из-за столика, приглашая коллег к станку. Оркестранты, с огромным нежеланием оставили проституток в покое, и, взяв инструменты, выдали душещипательную композицию. Крысогенов вернулся за столик.

– Что это? – спросила Мария, пытаясь узнать в мелодии знакомые мотивы.

– Томас Уэйтс, – ответил Крысогенов и закурил.

– За душу берёт, – прошептала Мария и спросила Мальчика. – Вам нравится?

– М-даа-с, – сухо ответил тот.

Подошёл официант и расставил на столике заказ. Мария принялась за огурцы, а Крысогенов налил себе из графина и, сделав выдох, выпил одним глотком большой фужер.

– Профессионально, – улыбнулся Мальчик.

– Экзистенциально, – ответил Крысогенов, отрезал от отбивной добрый кусок и отправил его в рот. Не переставая жевать, поинтересовался у Марии:

– Мария, а вы читали Кама Сутру?

– А Вы опять, – покраснела Мария.

– Что опять?

– Меня конфузите.

– Ах, извините, хотел беседу поддержать.

– Прожуйте сперва, а уж потом беседуйте, – вступил в разговор Мальчик. – Вы мне слюной на манжету брызнули.

– Прошу прощения, – невозмутимо извинился Крысогенов и снова налил себе полный фужер.

– Вы – пьяница? – удивилась Мария.

– Нет, это для храбрости, что-то меня мандражит, – смутился Крысогенов и опрокинул в себя содержимое фужера. – Ух, – вздохнул он. – Хорошая.

Отрезав от отбивной, посмотрел на Марию, которая сделала глоток коктейля, ухмыльнулся, хотел что-то сказать, но промолчал. Принялся усердно жевать телятину.

Оркестр доиграл, и музыканты, побросав инструменты, устремились к столику, где их заждались уже абсолютно «никудышные» проститутки.

Мальчик вынул из жилетного кармана часы и, взглянув на них, сказал:

– Ну, пора, спасибо за приятное общество, должен откланяться. Дела.

Он встал, взял со столика букет и направился к выходу.

– А портсигар? – крикнул вдогонку Крысогенов.

– Не нужен, – не оборачиваясь, махнул рукой Мальчик и вышел из зала.

– Странноватый юноша, – задумчиво пробормотала Мария.

– Пидор, – бросил Крысогенов, выливая из графина остатки. – Ой, сори, гей.

– Думаете...

– По лицу видно, да бокал в помаде. На губах-то стёрлась...

– Наверное, Вы правы, – Мария допила коктейль.

– Крысогенов опрокинул последнюю дозу, и, дожевывая отбивную, спросил:

– Ну что, в Синематограф?

– Да, пожалуй, пора, только вот в уборную зайду, оправиться надо, – смущённо сказала она и удалилась.

– Понимаю, – тихо сказал ей вслед Крысогенов и ущипнул за ягодицу проходившую мимо официантку. Та, захихикав, убежала, но через секунду вернулась с огромным вышибалой и, показав пальцем на Крысогенова, пожаловалась:

– За жопу меня схватили.

Вышибала нахмурил низкий лоб и грозно спросил:

– Вас попросить, или больше не будешь?

– Больше не буду, – миролюбиво улыбнулся Крысогенов и встал. – Мы уходим.

Вышибала ничего не сказал, хлопнул официантку по заду так, что та мгновенно достигла дверей кухни, и удалился вглубь ресторана. Вернулась из уборной Мария, и Крысогенов, взяв её под руку, двинулся к выходу.

– А деньги, любезный! – услышал он за спиной голос официанта с опухшим лицом.

– Ой! Совсем забыл, – пробормотал Крысогенов и отсчитал нужную сумму.

– То-то, – ласково проводил их взглядом официант и принялся убирать со столика.

Золотарёв закрывал ставни, когда его окликнул приятный юношеский голос:

– Альберт! Я ждал...

Он обернулся и увидел Мальчика, протягивавшего розы.

– Извини, что не пришёл. Никак не могу пересилить в себе комплекс общественного мнения, – виновато улыбнулся Золотарёв. – С днём рождения, дорогой! Входи.

Они вошли в лавку и заперли дверь.

На небольшом белом полотне, не меняясь уже более десяти минут, раскинулся урбанистический пейзаж, с высоченными кирпичными трубами, из которых валил разноцветный дым. Вокруг труб монотонно бродили полуобнажённые мужчины с огромными гаечными ключами и методично постукивали ими по основанию труб. Всё это сопровождалось заунывной техногенной музыкой, состоящей в основном из скрежета шестерёнок, шума выбрасываемого пара, звона цепей, свиста клапанов и тому подобного.

– И Вам это нравится, – спросил шепотом, касаясь губами уха Марии, Крысогенов.

– Да, – ответила она. – В этом есть какая-то скрытая красота.

– Ясно, – усмехнулся он и уставился на экран.

Зал был полон, сидели даже в проходах. Такого аншлага не было давно. Видимо, картина стоила такого внимания публики, но Крысогенов так не считал. Глаза его закрывались, давно хотелось в туалет, но Мария сжимала его руку, и он не мог разорвать эту связь.

Наконец, фильма закончилась, включили свет, и зрители поднялись со своих мест.

– Жаль, что кончилось, – с сожалением проговорил Крысогенов, зевая в кулак, и пошёл к выходу.

– Да, жаль, – направились за ним Мария.

Выйдя на улицу, Крысогенов закурил и спросил Марию:

– Ну что, куда теперь?

– Домой.

– Ко мне?

– Каждый к себе, – возмутилась Мария. – Вы что думаете? Я – девушка порядочная!

– Я тоже не хам-наглец, на чай приглашаю.

– Ну, на чай можно зайти. Но на часик, не дольше, а то тётя будет ругаться.

– Вы с тётей живёте?

– Да. Папенька с мамёнкой за границей – дипломаты.

– Ясно, – кивнул Крысогенов, и, увидев таксомотор, крикнул. – Извозчик!!!

Автомобиль подъехал к ним, и из окна высунулась небритая физиономия водителя:

– Сам ты извозчик. Чего орёшь?

– Нам бы до дома...

– Садитесь.

Они сели, и Крысогенов назвал адрес. Таксист включил счётчик, и машина сорвалась с места.

В подвале бакалейной лавки, между ящиками с товаром, за сервированным столом, сидели Золотарёв и Мальчик. Альберт пил вино, а его гость курил очередную папиросу. Под столом стоял патефон, и из его недр лилась приятная мелодия – что-то из Шопена.

Золотарёв, проводив взглядом струйку дыма, спросил:

– Ты счастлив?

– Не знаю, не думал... Может то, что я чувствую, когда ты рядом, и есть счастье, но сказать однозначно – да, я счастлив, не могу.... Это очень сложно. Это так сложно, что мой разум не способен дать полной оценки моему нынешнему состоянию...

– Понимаю... Я сам ещё не осознал всего, что прочувствовал за последнее время... за время, которое прошло со дня нашего знакомства... хочешь вина?

– Извини, Альберт, но я не смешиваю, это может привести к слишком неожиданным внутренним кровотечениям, к которым я абсолютно не готов.

– «Дурь» погубит тебя...

– Я знаю, но уже не могу жить без эйфории...

– Знаком с моей горничной?

– Нет.

– Её зовут Мафр. Возраста неопределённого, но я зову её тётушкой Мафр.

– К чему ты заговорил о ней?

– Так, чтобы развлечь тебя немного. Если, конечно, ты не против.

– Продолжай, я весь внимание.

– Так вот, тётушка Мафр – весьма занимательная особа. Она говорит своеобразно...

– Это как?

– Не произносит гласных.

– Почему?

– В детстве, лет в шесть, она отправилась к своей бабушке в соседний Городок пешком. Дорога лежала через лес и кладбище, вот там она и встретила что-то, что повлияло на неё не лучшим образом. Возвратившись домой, она не смогла произнести ни одного гласного звука.

– А ты её понимаешь?

– Я – да, и ты поймёшь...

– Думаешь?

– Сейчас увидишь, – с этими словами Золотарёв вынул из жилетного кармана телефон и, набрав номер, сказал в трубку. – Тётушка Мафр? Спуститесь к нам, пожалуйста.

Таксомотор стоял возле дома, который назвал Крысогенов, уже более получаса.

– Ну что, долго ещё ждать? – возмущённо интересовался водитель, наблюдая в зеркало за происходящим на заднем сидении.

– А может, Вы можете мне? – отчаявшись привести Крысогенова в чувства, взмолилась Мария. – Я заплачу.

Водитель хмыкнул и, выйдя из машины, открыл правую заднюю дверцу. Затем он взял Крысогенова в охапку и, вытащив из салона, поставил к стене. Тот что-то промычал и по-идиотски захихикал.

– Благодарю Вас, – сказала Мария, протягивая таксисту деньги.

– Да ладно, чего уж там, – проворчал он, положил деньги в бардачок и запустил двигатель. Машина взревела и унеслась вверх по улице.

Мария посмотрела на хихикавшего Крысогенова и вздохнула. Бросить его здесь? Нет, она не могла так поступить. Но номера его квартиры она не знала. Света в парадном не было, видимо, консьержка уже спала. Мария взяла Крысогенова за ворот и принялась трясти его, вопрошая: «Номер квартиры!? Скажи номер квартиры!» Но тот только мычал. Вдруг Мария почувствовала резкий запах ей не знакомый, но настолько противный и удушающий, что её чуть не стошнило. Одновременно она ощутила, как по спине побежали мурашки, а ноги похолодели. Она обернулась и увидела в тёмной подворотне силуэт маленького человека в высо-

ком цилиндре. Лица его видно не было, но она поняла, что он смотрит на неё. Марии стало не по себе, что-то пыталось проникнуть в её мозг и овладеть им. Она закричала, человек вздрогнул и скрылся во тьме. От крика Крысогонов на мгновение пришёл в себя и пробормотал: «Четыре... надцать...» После чего, снова прогрузился в состояние безмятежности. Опомившись, Мария, подставив Крысогонову плечо, потащила его в подъезд. Дверь была заперта. Мария постучала в стекло подъездной двери, но ничего не изменилось. Она постучала сильнее. Наконец, загорелся свет, и послышалось шарканье ног. Дверь открыла старушка с заспанным лицом и в чепце.

– Кого? – сонно спросила она.

– Он здесь живёт, – смутившись своего положения, ответила Мария.

Старушка подслеповато прищурилась и проворчала:

– Живёт, живёт, гуляка окаянный, – она посторожилась, пропуская их внутрь. – Давайте помогу.

– Если это Вас не затруднит, – устало, согласилась Мария.

Они доволокли обмякшее тело Крысогонова до двери с номером «14». Старушка вставила ключ в замочную скважину и, улынувшись, сказала:

– Ну, голубушка, дальше сама.

– Спасибо, – поблагодарила Мария и отперла замок.

– Спокойной ночи, – пожелала старушка и удалилась к себе.

Втащив Крысогонова в квартиру, Мария осмотрелась. Жилище было небольшим, но уютным, большая комната и кухонька. Уложив его на кровать, она распахнула окно и вдохнула ночной воздух, пропитанный сиренью.

– Проходите, тётушка Мафр, – пригласил Золотарёв горничную, которая, действительно, оказалась женщиной без видимого возраста.

– Зв_л_м_н_?¹ – спросила тётушка Мафр, подойдя к Золотарёву.

– Да, как там чай? – спросил он, подмигнув Мальчику.

– Вс_в_п_рдк_, в_д_к_п_т. Ск_р_б_д_т_г_т_в,² – ответила тётушка Мафр и опустила глаза.

– Что она говорит? – шёпотом спросил Мальчик.

– Всё в порядке, вода кипит, скоро будет готов, – пояснил Золотарёв и обратился к тётушке. – Дорогая, ты постелила?

– Д_п_ст_ль_г_т_в_, вс_к_к_б_чн³

– Спасибо. Можешь идти, я скажу, когда можно будет подавать чай.

– К_к_б_д_т_г_дн_, г_сп_д_н,⁴ – Мафр, сделав реверанс, удалилась.

– Понял? – спросил Альберт, когда дверь за горничной закрылась.

– Да, в принципе, понятно, – медленно проговорил Мальчик и, достав из кармана брюк платок, промакнул лоб, улынувшись и облизнул сухие губы.

Золотарёв встал, подошёл к Мальчику и положил ему руки на плечи.

¹ Звали меня?

² Всё в порядке, вода кипит. Скоро будет готов.

³ Да, постель готова, всё как обычно.

⁴ Как будет угодно господин.

Мария проснулась от громкого стога Крысогенова. Она потянулась и встала с кресла, в котором провела ночь. Подойдя к кровати, провела рукой по голове Крысогенова и увидела, что из его кармана выпал какой-то маленький свёрток. Развернув его, понюхала содержимое и узнала в нём чай.

– То, что нужно, – прошептала она и направилась на кухню.

За окном уже рассеивались предрассветные сумерки, лёгкий ветерок трепал тюль и играл бумагой на столе. Крысогенов открыл глаза, но тупая боль в затылке и висках заставила закрыть их тотчас.

– О-ёёёё, – простонал он и схватился за голову.

– Выпейте чаю, – услышал он знакомый голос.

Приоткрыв один глаз, Крысогенов увидел Марию, протягивавшую ему стакан с тёмно-коричневым отваром.

– А поможет? – переворачиваясь на живот, проворочал он языком.

– Не знаю, по-моему, да.

Крысогенов взял трясущейся рукой стакан и сделал глоток. Живительная влага растеклась по его членам. Он приоткрыл второй глаз и, улынувшись Марии, залпом выпил весь стакан. Спустя минуту, он мирно посапывал, пуская слюни на подушку.

– Почитай мне что-нибудь, – попросил Золотарёв.

– Из своего? – лукаво спросил Мальчик.

– Конечно... твои стихи для меня – глоток хорошего вина.

– Ну, что же... слушай.

Она умчалась прочь в таксомоторе,
раскинув по брусчатке шиншилла,
а он застрелен был на побережье моря
под крики чаек, что любовь – мертва...

Что такое, что с тобой, – воскликнул Мальчик, увидев слезы на щеках Альберта.

– Откуда ты узнал? – тихо спросил тот.

– Что?

– Как ты узнал, что... нет, ничего, извини, – бакалейщик отвернулся и вздохнул.

– Ничего не понимаю, но если не хочешь, не говори, – Мальчик смотрел на согбенную спину Золотарёва и терялся в догадках. – Это что, как-то связано с тобой?

– Да, это меня застрелили на побережье... только не моря, а реки...

– Как тебя?.. Не пойму, ты же жив... Жив?

– Нет, я – мертвец. Призрак, дух... я – тело без жизни, плоть без души.

– Но ты же чувствуешь, ты же переживаешь, страдаешь... как без души, без жизни? – Мальчик не мог поверить своим ушам. – Ты шутишь...

– Нет, сейчас я расскажу тебе всё о своей смерти, – печально сказал Золотарёв, сделав большой глоток вина.

Следующее пробуждение Марии было аналогично первому, но вместо стонов Крысогенова, она услышала его истомные вздохи. Он сидел возле её ног и преданно смотрел на неё.

– Любимая, Вы проснулись? – с нежностью в голосе спросил Крысогенов.

Мария настороженно посмотрела на него.

– Что с Вами?

– Сам не пойму. Проснулся от огромного прилива чувств. Такую любовь к Вам испытываю, что есть не хочется.

– Странно.

– Ещё бы, сам удивляюсь, – Крысогонов задумался. – Вы чем меня отпаивали?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.